

Библиотека Классической Литературы

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

Ревизор
Тарас Бульба
Вий

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Г58

Серия «Библиотека всемирной литературы»
Оформление *Н. Ярусовой*
В оформлении суперобложки использованы
фрагменты работ художников Михаила Зичи,
Константина Маковского и Эрнеста Эбера

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*

Серия «Шедевры мировой классики»
Оформление *А. Саукова*
В оформлении обложки использована репродукция
картины «Свежий кавалер» (1846 г.)
художника Федотова П.А. (1815–1852 гг.)

Гоголь, Николай Васильевич.

Г58 Ревизор. Тарас Бульба. Вий / Николай Гоголь. –
Москва : Издательство «Э», 2017. – 672 с.

ISBN 978-5-699-67114-4 (Библиотека всемирной
литературы)

ISBN 978-5-699-93862-9 (100 главных книг)

ISBN 978-5-699-69393-1 (Шедевры мировой классики)

Сборник повестей «Миргород» Н.В. Гоголя по праву счита-
ется шедевром русской литературы, а вошедшие в его состав
повести «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», «Вий»,
«Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»
составляют золотой фонд отечественной классики, что под-
тверждают многочисленные экранизации и театральные по-
становки. В книге представлены также комедия «Ревизор» –
вершина творчества Гоголя-драматурга, пьесы «Женитьба»,
«Игроки», «Утро делового человека», а также «Авторская ис-
поведь» и «Размышления о Божественной Литургии».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-699-67114-4

ISBN 978-5-699-93862-9

ISBN 978-5-699-69393-1

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Содержание

В. Белинский
Сочинения Николая Гоголя

7

МИРГОРОД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Старосветские помещики

19

Тарас Бульба

48

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вий

197

Повесть о том, как поссорились Иван Иванович
с Иван Никифоровичем

246

ПЬЕСЫ

309

РЕВИЗОР

311

5

ЖЕНИТЬБА

417

ИГРОКИ

485

УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

532

ТЯЖБА

541

ЛАКЕЙСКАЯ

550

Авторская исповедь

559

Размышления о Божественной Литургии

606

Сочинения Николая Гоголя

Четыре тома. Санкт-Петербург. 1842

...Наше внимание зовет теперь к себе то, что составляет в настоящую минуту гордость и честь русской литературы, — четыре тома сочинений Гоголя...

«Вечера на хуторе близ Диканьки», которыми началось поэтическое поприще Гоголя и которые теперь в *третий* раз выходят в свет, оставлены автором без всяких изменений¹. Так и должно было быть: порождения легкой, светлой юношеской фантазии, веселые песни на пиру еще не изведанной жизни, они не могли подвергнуться изменениям поэта, который уже давно смотрит на жизнь взором глубоким, пронзительным и грустно-важным. Для самого поэта эти образы, светлые, как майская ночь его Малороссии, радостные, как звучный смех его Оксаны, шаловливые, как затеи неугомных парубков, товарищей удалого Левко, сладостно-задумчивые, как светлоокая панночка-утопленница, добродушно-насмешливые, как вечно веселая юность, — все эти образы навсегда остались милы поэту, как первый поцелуй любви, как шипучая пена впервые осушенного бокала, как память о волшебных днях беспечно блаженного младенчества... Он сам говорит в предисловии: «Всю первую часть следовало бы исключить вовсе: это первоначаль-

---

¹Первое издание — 1831–1832 гг., второе — 1836 г. В рассматриваемом издании «Вечера...» вошли в первый том.

ные ученические опыты, недостойные строгого внимания читателя; но при них чувствовались первые сладкие минуты молодого вдохновения, и мне стало жалко исключить их, как жалко исторгнуть из памяти первые игры невозвратной юности. Снисходительный читатель может пропустить весь первый том и начать чтение со второго». Так говорит поэт — и он имеет полное право простираť свою строгость к самому себе за пределы умеренности и справедливости; но публика тоже права, не соглашаясь с ним. Всякий период жизни человеческой прекрасен и должен иметь свои песни и своих певцов; «Вечера на хуторе» есть одна из таких вечно звучных песен юности, которых цель и назначение — вновь возвращать на волшебное мгновение самой старости невозвратно улетевшую юность...

Во второй части, заключающей в себе «Миргород», подверглись значительным изменениям повести: «Тарас Бульба» и «Вий». Первая, вследствие этих изменений, сделалась вдвое обширнее и бесконечно прекраснее. Поэт чувствовал, что в первом издании «Тараса Бульбы» на многое только намекнуто и что многие струны исторической жизни Малороссии остались в нем нетронутыми. Как великий поэт и художник, верный однажды избранной идее, певец Бульбы не прибавил к своей поэме ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развил многие уже заключавшиеся в ее основной идее подробности. Он исчерпал в ней всю жизнь исторической Малороссии и в дивном, художественном создании навсегда запечатлел ее духовный образ: так ваятель уловляет в мраморе черты человека и дает им бессмертную жизнь. Особенно замечательны подробности битв малороссиян с поляками под городом Дубно и эпизод любви Андрея к прекрасной польке. Вся поэма приняла еще более возвышенный тон, проникнулась лиризмом. Впро-

чем, суждение об этом — смело можем сказать — великом создании завело бы нас далеко, — чего не позволяет нам ни место, ни время, и потому пока отлагаем его. Повесть «Вий» через изменения сделалась много лучше против прежнего, но и теперь она более блестит удивительными подробностями, чем своею целостию. Недостатки ее значительно сгладились, но целого по-прежнему нет. «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» остались совершенно без изменений: очевидно, эти два превосходные произведения так хорошо вызрели в душе, что могли сразу явиться во всей определенности своей идеи, во всей полноте своей художественной жизни.

К таким же зрело художественным и отчетливо концептированным произведениям принадлежит и «Невский проспект», которым начинается третья часть; только эта повесть, по своему содержанию, далеко глубже и выше тех двух. «Нос» — этот арабеск, небрежно набросанный карандашом великого мастера, значительно и к лучшему изменен в своей развязке. О «Портрете» и «Риме» публике известно наше мнение, за которое один журнал недавно объявил нас — *ругателями Гоголя!*¹ *Такова толпа: ей или хвалят до надсады груди, или унижают до последней крайности, но не смеют хвалить за одно и порицать за другое в одно и то же время... Мнение наше о «Портрете» и «Риме» остается то же, несмотря ни на чьи крики и клеветы, — и мы подробно разоведем это мнение в обещанной нами большой статье о сочинениях Гоголя*². «Коля-

¹Речь идет о статье В. Белинского «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». В связи с этой статьей Белинский был назван «ругателем Гоголя» (Москвитянин. 1843. № 1. С. 283).

²Это намерение не было осуществлено.

ска» — мастерской юмористический очерк, в котором больше поэтической жизни и истины, чем во многих пудах романов многих наших романистов, — и «Записки сумасшедшего» — одно из глубочайших произведений Гоголя, также остались без перемены. «Шинель» есть новое произведение, отличающееся глубиной идеи и чувства, зрелостью художественного резца.

В четвертом томе очень много нового, и мы особенно рады, что из него даже петербургская публика познакомится с новой комедией (впрочем, еще прежде «Ревизора» написанною) Гоголя — «Женитьба, совершенно невероятное событие в двух действиях». Здесь, в Петербурге, она давалась на сцене; но там мы не узнали ее, ибо нет ничего общего между тем, что видели мы на сцене и что читаем теперь в книге... Никого не обижая, ни на кого не жалуясь, мы кстати заметим здесь, что еще не пришло время у нас для национального театра. Большая часть актеров наших смотрит на сценическое искусство, как на обязанность говорить то, чего не чувствует... Это напоминает нам слова Гоголя в его письме о представлении «Ревизора»: «Вообще у нас актеры совсем не умеют лгать. Они воображают, что лгать значит просто нести болтовню. Лгать значит говорить ложь тоном столь близким к истине, так естественно, так наивно, как можно говорить только одну истину, и здесь-то заключается именно все комическое лжи»¹. Точно так же, прибавим мы от себя, большая часть наших актеров не хочет понять, что искренность и наивность суть первые условия сценического искусства и комизма и что поэтому смешить публику должно естествен-

---

¹Белинский цитирует не совсем точно «Отрывок из письма, написанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору».

ным воспроизведением характера, созданного по этому, а не утрированием характера: ибо как в самой действительности никто не станет выставлять на вид резкие странности своего характера, чтоб смешить ими других, но каждый тем и смешон, что и не подозревает своей смешной стороны, так и в сценическом искусстве — этом зеркале действительности — актер должен забыть, что он играет смешную роль, и помнить только, что он представляет характер, из природы и действительности взятый. Конечно, смех публики есть награда комическому актеру, но он должен возбуждать этот смех естественным выполнением представляемого им характера, а не явным желанием во что бы то ни стало возбудить смех — не резкими движениями, не уродливым костюмом... Кстати о костюмах! вот что говорит Гоголь в своем письме о выполнении роли Бобчинского и Добчинского: «Зато оба наши приятеля, Бобчинский и Добчинский, вышли, сверх ожидания, дурны. Хоть я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких чиновников, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, как-нибудь вынесут их и не так обкарикатурят. Сделалось напротив: вышла именно карикатура. Уже перед началом представления, увидевши их костюмированными, я ахнул. Эти два человека, в существе своем довольно опрятные, толстенькие, с прилично приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, включенные, неопрятные, взъерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо».

«Игроки» — целая комедия, по концепции и выполнению вполне достойная имени своего автора. Сцены: «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» — жи-

вые картины разных слоев и сфер русского общества. Но выше их «Театральный разъезд после первого представления комедии»¹: в этой пьесе, поражающей мастерством изложения, Гоголь является столько же мыслителем-эстетиком, глубоко постигающим законы искусства, которому он служит с такою славою, сколько поэтом и социальным писателем. Эта пьеса есть как бы журнальная статья в поэтически-драматической форме — дело, возможное для одного Гоголя! В пьесе этой содержится глубоко сознанный теория общественной комедии и удовлетворительные ответы на все вопросы, или, лучше сказать, на все нападки, возбужденные «Ревизором» и другими произведениями автора. Разобрать это превосходное произведение нельзя, не делая из него выписок, а делая из него выписки тоже нельзя, по двум причинам: по невозможности выбора прекрасного из равно прекрасного и еще потому, что вся пьеса проникнута таким единством мысли, развитой и изложенной так логически и последовательно (несмотря на поэтически-драматическую форму), что надобно было бы переписать ее всю от начала до конца... И так как мы будем еще иметь множество случаев обращаться к ней, удовольствуемся выпискою ее проникнутого высоким лиризмом и глубокою мыслию окончания: достойнее нельзя заключить речи о Гоголе, как его же словами...

Автор пьесы, в сенях театра, выслушав толки о ней людей всяких сословий, говорит, оставшись один:

Я услышал более, чем предполагал. Какая пестрая куча толков! Счастье комику, который родился среди нации, где общество еще не слилось в одну

---

¹Точнее: «Театральный разъезд после представления новой комедии».

недвижимую массу, где оно не облеклось одной ко-
рой старого предрассудка, заключающего мысли
всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек,
то и мненье, где всякий сам создатель своего харак-
тера. Какое разнообразие в этих мнениях, и как
везде блеснул этот твердый ясный русский ум! И в
этом благородном стремлении государственного
мужа! и в этом высоком самоотвержении забивше-
гося в глушь чиновника! и в нежной красоте вели-
кодушной женской души! и в эстетическом чувстве
ценителей! и в просто верном чувстве народа! Как
даже в этих недоброжелательных осуждениях мно-
го того, что нужно знать комику. Какой живой
урок! Да, я удовлетворен. Но отчего же грустно ста-
новится моему сердцу! Странно: мне жаль, что ни-
кто не заметил честного лица, бывшего в моей пие-
се. Да, было одно честное, благородное лицо, дей-
ствовавшее в ней во все время продолжения ее.
Это честное, благородное лицо был — смех. Он был
благороден потому, что решился выступить, не-
смотря на низкое значение, которое дается ему в
свете. Он был благороден потому, что решился вы-
ступить, несмотря на то, что доставил обидное про-
звание комику, прозвание холодного эгоиста, и за-
ставил даже усомниться в присутствии нежных дви-
жений души его. Никто не вступился за этот смех.
Я комик, я служил ему честно и потому должен
стать его заступником. Нет, смех значительней и
глубже, чем думают. Не тот смех, который поро-
ждается временной раздражительностью, желчным,
болезненным расположением характера; не тот
также легкий смех, который весь излетает из свет-
лой природы человека, излетает из нее потому, что
на дне ее заключен вечно бьющийся родник его,
который углубляет предмет, заставляет выступить
ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей
силы которого мелочи и пустота жизни не испуга-

ли бы так человека. Презренное и ничтожное, мимо которого он равнодушно проходит всякий день, не возросло бы перед ним в такой страшной, почти карикатурной силе, и он не вскрикнул бы, содрогаясь: неужели есть такие люди? тогда как, по собственному сознанию его, бывают хуже люди. Нет, несправедливы те, которые говорят, будто смех возмущает. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Много бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примирение в душу. И тот, кто понес бы мщение противу злобного человека, уже почти мирится с ним, видя осмеянными низкие движения души его. Несправедливо говорят, что смех не действует на тех, противу которых устремлен, и что плут первый посмеется над плутом, выведенным на сцене: плут-потомок посмеется, но плут-современник не в силах посмеяться! Он слышит, что уже у всех остался неотразимый образ, что одного низкого движения с его стороны достаточно, чтобы этот образ пошел ему в вечное прозвище; а насмешки боится даже тот, кто уже ничего не боится на свете. Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко добрая душа. Но не слышат могучей силы такого смеха: что смешно, то низко, говорит свет; только тому, что произносится суровым, напряженным голосом, тому только дают название высокого. Но, боже! сколько проходит ежедневно людей, для которых нет вовсе высокого в мире! Все, что ни творилось вдохновением, для них пустяки и побасенки; создания Шекспира для них побасенки, высокие движения души — для них побасенки. Нет, не оскорбленное мелочное самолюбие писателя заставляет меня сказать это, не потому, что мои незрелые, слабые создания были сейчас названы побасенками. Нет, я вижу свои недостатки и вижу, что достоин упреков.

Но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннейшие творения честились именами пустяков и побасенок! Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на бесчувственных их лицах не вздрагивал даже ни призрак выражения от того, что повергало в небесные слезы глубоко любящую душу, и не коснел язык их произнести свое вечное слово: побасенки! Побасенки!.. а вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось все, что было, — а побасенки живут и повторяются поныне, и внемлют им мудрые цари, глубокие правители, прекрасный старец и полный благородного стремления юноша. Побасенки! А вон: стонут балконы и перила театров, все потряслось снизу доверху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека, все люди встретились, как братья, в одном душевном движении, и гремит дружным рукоплесканьем благодарный гимн тому, которого уже пятьсот лет как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вон, среди сих же рядов потрясенной толпы, пришел удрученный горем и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдруг свежительные слезы из его очей, и вышел он примиренный с жизнью, и просит вновь у неба горя и страданий, чтобы только жить и залиться вновь слезами от таких побасенок. Побасенки! Но мир задремал бы без таких побасенок, обомлела бы жизнь плесенью, и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудут же вечно священны в потомстве имена благосклонно внимавших таким побасенкам: чудный перст провиденья был неотлучно над главами твор-